

Общая газета. — 1998. — 14-20 янв. — с.16

Вас люблю

Куплю 50 грамм штанов

Писатель Валерий Попов делится секретами жизнелюбия

МНЕ всегда казалось, что Попов — видный писатель не только по габаритам — лишь поневоле носит маску бретера и балагура. Человек, который в мрачные годы застоя сочинил роман с вызывающим названием «Жизнь удалась», не должен выходить из образа. Но он, как выяснилось, хронический жизнелюб, и в сегодняшнем шторме, когда слабых сбивает с ног и даже оптимистов подташнивает, являет чудеса непопоемости.

— Наверное, писатель, живущий на углу Невского и Большой Морской, не вправе жаловаться на судьбу. К тому же лестница у вас довольно чистая и дверь, хоть и не стальная, но опрятная. Не скажете, что общий кризис вас затронул...

— Булгаковский профессор возразил бы: разруха не на лестницах, а в головах. Мне вспоминается мой личный хозяин Гека. Как ни спросишь его: «Почему у тебя такой бардак во дворе?» — винит правительство. Ширинку забыл застегнуть, и тут оно виновато. Кстати, когда я ставил замок на входную дверь в парадном, для кого-то это была драма, страшное испытание. Видно, чья-то душа не терпит запоров — все время его срывали.

— Зачем вам отгораживаться от жизни? Писатель должен быть в гуще народной, разве не так?

— Так! В последней книжке «В городе Ю» у меня есть рассказ «Вход свободный» — о том, как выжили мои дверь и, пока не починил, входили кто пополю. Это было здорово — я про это написал, но тема исчерпана... Прав Георгий: повар не обязан вариться в супе. А у нашего брата-писателя две крайности: один сварился, другие боятся подойти к котлу. Сидят в своей башне из слоновой кости, сочиняя некое историческое или глобально демократическое. И не кабинетный писатель, подробности жизни для меня гораздо ценнее, чем какая-нибудь сверженка.

— Тогда вы можете здорово опустить муравья, но рискуете не заметить, что происходит с муравейником...

— Муравей мне гораздо интересней. Все «муравейники» на свете довольно банальны.

— Люди для вас в любой ситуации — литературный материал или можете абстрагироваться от профессии?

— К сожалению, не могу. Даже когда жену в больнице навещал, думал про себя: сволочь, что у тебя на уме — одно записал, другое, третье. Там, например, в приемной главврача вместо картин висели крышки от конфетных коробок: «Утро в сосновом бору», «Руслан и Людмила» и прочее. Но для меня это не намеки на мажорство врачей, а трогательная деталь: и конфеты съели, и о посетителях подумали — пусть от скверных мыслей отвлечется. Важно ведь не ставить социальный диагноз, как у нас принято, а уловить проявление человечности — даже в мелочах.

— Сами-то вы с коробкой пришли? Вообще, используете писательский статус в повседневной жизни?

— Нет, никоим образом. Один мой хороший друг сразу говорит: «Я — писатель». Но в физике есть понятие — погрешность, вносящая измерительным прибором. Потому что он искажает поле. Точно так же писатель, вламываясь в пространство, деформирует его. С другой стороны, как ни маскируйся, в писателе все равно есть что-то... нечеловеческое. Как-то я сам лежал в огромной палате, пациентов на 40, и все открылось сразу. К одному жена пришла с кефиром, он бутылку об стену как жахнет! И его все сразу признали своим... Но мое проклятие писательское — холодноват. Наблюдают отстраненно и потому более точно. Не так сильно переживаю, как положено нашему человеку. Окружающие об этом догадываются: не наш человек! «Наблюдатель».

— А вам хотелось бы популярности «своего в доску»?

— Не получится. Писатель всегда себе на уме. Отсюда и неизбежное недоверие, ностальгическое: человек вроде ядом, но темнит, про себя недоговаривает. Это и есть: вариться в супе, а руку снаружи держать — фиксация происходящего. Я даже на операцию брал с собой карандаш и бумажку. Действительно, кое-что для рассказа

пригодилось. Например, дают наркот, и вдруг слышу голос: «Кто не заплатил членские взносы?» Я улынулся напоследок и уснул. Другой бы мог и не проснуться, а писатель и тут обязан «вывернуться» и обо всем написать.

— Ну а в критический момент, скажем, попал в милицию, готовы отбросить свое инкогнито? Мол, неужто не узнаете? Да я — Валерий Попов!

— Ладно бы Гранин... Моя фамилия вряд ли так весомо прозвучит, а самолюбие дорожит. В России, если ты не Толстой, очень трудно называться писателем. Бывают, конечно, приятности где-нибудь в РЗУ: «О, кто к нам пришел!» Утешаю себя тем, что сверхпопулярность обычно делается из дерьма. Писатель, пока работает, тих как мышь. Популярный — значит дерьмо разбрасывает. У меня даже статья была о приемах поднятия популярности: свержпатриотизм, интеллектуальная заумь, пошленная, но разрешенная сместью, нарочитая разнузданность... Нет, я такую цену никогда не заплатил бы!

— По-вашему, писательская душа должна быть как чистая тетрадка? А если вам дать трибуну на площади — для слова сокровенного? Лично от себя найдется что сказать народу?

— Конечно! Жизнь прелестна! А хаос был всегда! Не думайте, что конец света наступит завтра или в 2000 году! Мы не разбогатеем, зато друзей, подруг, поводов для улыбок хватит на всю жизнь!

— А если от вас совсем другого ждут?

— Нет, провокатором я не стану. Призывы на баррикады или, напротив, на защиту Белого дома — абсолютно топорная работа. Вообще, моя главная тема — разоблачение иллюзий. Например — иллю-

зия, что жить становится хуже. Это совершенно не так. Помню, в до-реформенный год, когда в магазинах просто ничего не было, у меня на балконе стоял замороженный куб минтая. Я, как альпинист, ледорубом отковылял от него куски и ел. Весной он оттаял и расцвел, стал фиолетово-красно-зеленым, как клубка. Но я все равно его ел!

— А недавно, когда началась паника, делали с женой запасы?

— Нет. Все было, как у всех. Капитальных закупок, типа пшена, не делали — оно и без нашей помощи исчезло. Я не хочу быть умнее среднего обывателя, чтобы у меня крупы было больше, чем у моего друга-инженера. Пускай жизнь бьет по голове, не надо уворачиваться.

— Тогда и голова должна быть прочной!

— Согласен. Но не совсем дубовой.

— Вы, кажется, большой любитель сэконд-хэнда?

— Да, у меня даже есть такая шутка: «Куплю 50 г штанов». У раскладушки под навесом или в подвалчике на Садовой испытываю почти тот же трепет, как в молодости, когда разглядывал у букинистов альбомы Боннара, Кирико или Шагала. Сэконд-хэнд — это море приключений, в котором выныривает какой-нибудь свитер, предельно информативный для тебя. И детство вспоминаешь, и хулиганские двory, и первую любовь. И столько в нем замешано, что ощущаешь все как собственную жизнь. В одежде больше информации, чем в газетах, она точнее рисует жизнь, чем кинтер!.. Недавно я купил такой свитер — теплеейшей окраски, напомнивший несколько кусков моей жизни и совершенно меня разбередивший!..

— Вместе с тем вы как президент

литерского ПЕН-клуба ведете светскую жизнь, которая требует не свитера, а фрака.

— Без фрака можно — но нельзя без профессионального общения! Тем более что удалось собрать компанию из любимых писателей — Володин, Конешский, Кураев, Кушнер, Штемлер, Мелихов, Уфлянд. С ними мне лучше, чем было со школьными друзьями. В детстве получаешь приятелей не глядя, а эти люди поистине как награда. Что до общественной жизни... тут много неожиданного. Недавно в Хельсинки, на конгрессе Международного ПЕН-клуба, я был расстроган и расстроен. Там встретились таджики, эстонцы, латыши, киргизы, украинцы, и выяснилось, что самое веселое и родное — это экс-советское братство. Нам есть о чем говорить, мы понимаем подтекст, степень цинизма у нас одинаковая и эта вот улыбочка кривая. Чеченцы нам гораздо ближе англичан. И жутко печально, что пространство сужается — наши дети уже не чувствуют этих нюансов.

— Почему-то неформальные структуры вроде ПЕН-клуба или Центра Каралиса (не греческого миллионера, а ученика Бориса Стругацкого) оказались жизнеспособнее, чем Союз писателей, в который входит те же люди!

— Наши новые компании меньше и потому мобильнее. Мы в издательстве «Блиц» в серии «Русский ПЕН-клуб» выпустили уже семнадцать книг разных авторов. Моя как раз семнадцатая — «Грибники ходят с ножами». А издать все книги всех членов Союза писателей, как было раньше, сейчас не сможет уже никто.

— А вы успели перескочить промону между социализмом и капитализмом?

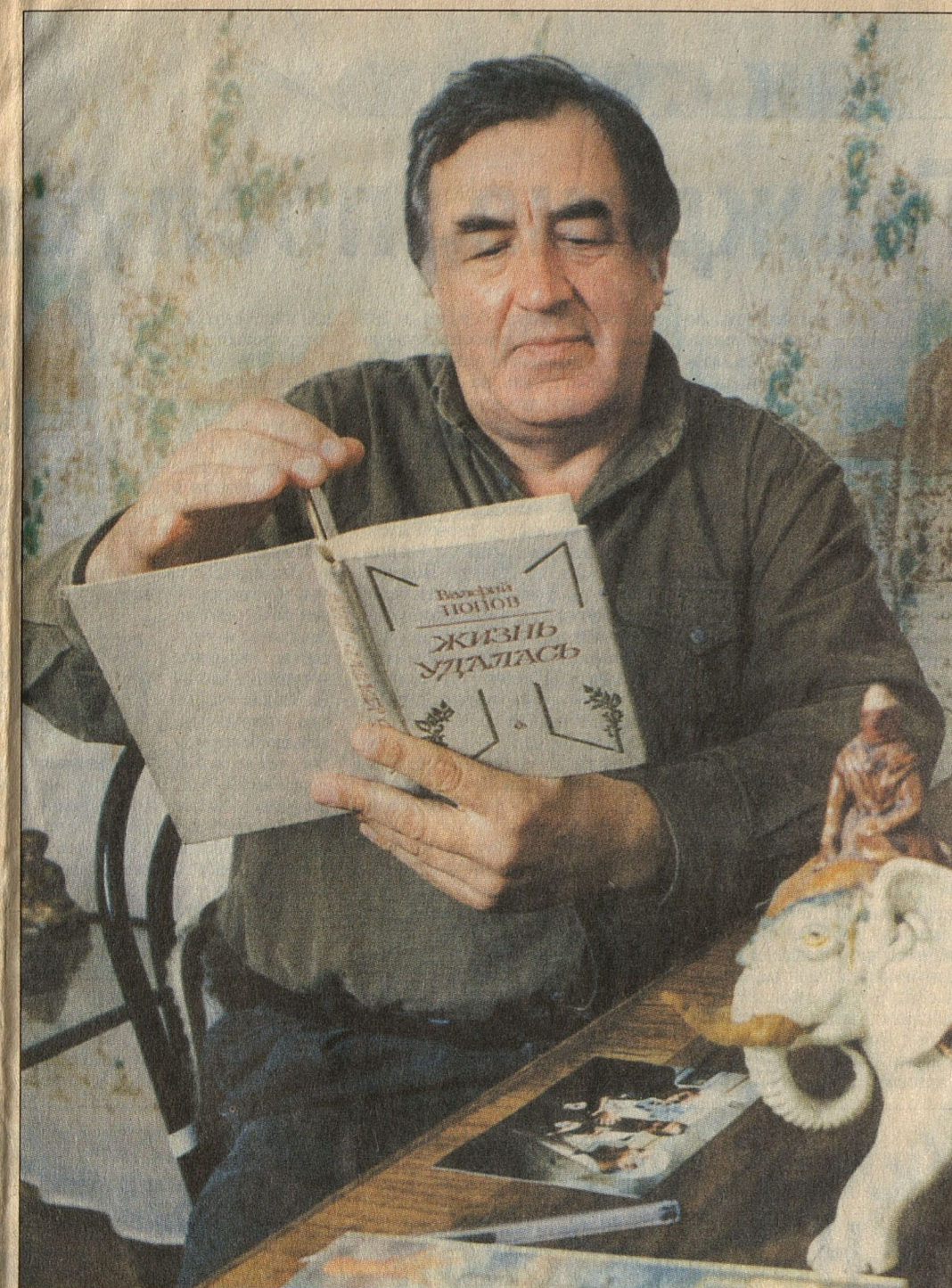
— В два прыжка... Когда начал-

ся всеобщий разброд и в нашем издательстве «Советский писатель» вместо писателей появились люди в камуфляже, я понял: надо пробовать что-то другое. «Другим» стала повесть «Будни гарема». Один коммерсант из новых взял у меня папку, прочитал и вернул со словами: «Нет, Валера, мало секса». Я с этой папкой шел по Невскому и встретил московского коллегу Александра Кабакова. Я не хотел плакаться, но он сам ко мне подошел: «Как дела?» Плохо, говорю, мало секса. Он увел повесть в Москву, обещал показать молодому толковому парню, оставил его телефон. Я звонил-звонил — глухо. Был уже на грани отчаяния. Но какой-то упрямый ген не давал мне загнаться. У меня есть об этом в одном рассказе: «Если телефон все время занят, не факт, что тебя ненавидят. Может, линия перегружена...»

Я приехал в Москву на день рождения мамы. Каюся, напился, проснулся в тяжелом похмелье и все равно набираю злосчастный номер. «Его нет». — «Когда будет?» — «Не знаю!» Полная гибель, звоню в сто первый раз — приятный голос: «Это вы?» — «Я». — «Накопец-то объявились! Все редакцией читаем вашу повесть. Приезжайте». — «А я в Москве». Ну, это было бы слишком складно. «Знаете, — поведлив, говорит издатель, — я буквально сейчас улетаю в Париж. Перезвоните...» Из последних сил выдавливаю: «А где ваш офис?» Выясняется, что в соседнем доме, и через пять минут я у него в кабинете. У нас с этим издательством была любовь на две книги.

— Им секса хватило?

— Вполне, они же умные ребята. А секс — такой же соус, приправы к литературе, как криминал или политика. Дальше был роман

«Разбойница», насыщенный эротикой. Но главное — там были два очень мощных характера, которыми горжусь. Она — бизнес-вумен новой формации, и ее возлюбленный, последний зуб советской эпохи, подчинивший себе и героиню, и эпоху нынешнюю. Красиво живет, красиво умирает — сюжет

закручен что надо... И тут я, привыкший к притеснениям советской власти, впервые встретился с критикой снобов. На все увлекательное они вешают ярлык «коммерческое чтиво». Мало того, что сами не могут писать интересно, требуют, чтобы другие писали непонятно, неудобочитаемо, невы-

носимо скучно, пытаются сделать из бездарности моду.

— А в каких вы отношениях с «коммерческим чтивом»?

— Надеюсь его улучшить. Не считаю, что увлекательный роман — это плохо. «Воскресение» — разве не «женский роман»? Или «Анна Каренина»? Снобов, заикливых в повести «Черный ангел» — и забыл бы о них. Но они дезориентируют читателей. Обидно, что безмыслие держит веру в литературе, перебарывается рецензиями, вручает призы... Хотя никакие это не верха, а давящая крышка люка.

Я до того завелся, что всю минувшую зиму и часть весны сочинял роман «Умница», продолжение «Разбойницы». До трех ночи сидел каждые сутки и еще по ночам вскакивал — такой был азарт. И даже рад новым трудностям. Все же гладкая жизнь, ровная любовь к тебе редакторов и читателей приглушают чувства, а так — опять молодость, все с боем!.. Прежнюю прозу тоже пишу — повесть «Черный ангел», но она не должна уступать в увлекательности «коммерческому жанру».

— На сколько лет вы себя ощущаете?

— По внутреннему ощущению лет с тридцати не меняюсь. Но проза моя изменилась. Сначала я был поклонником литературного блеска. С годами понял: блеск — холодноват, суховат, нужны навоз, грязь, тяжесть реальности. Без корзины с этим грузом шару взлетать бессмысленно. Легкий шарик парит в небе сверткая и никого не волнует. Бывает наоборот — писатель в толще жизни, боится за людей, но не владеет тайной взлета. А тайна в том, чтобы до краев набить корзину и в момент, когда всем стало очевидно, что груз неподъемный, но ни минутой раньше, — оторваться от земли. Тогда и полет уопителен!

— Спасибо за откровенность. И за формулу «Жизнь удалась». Признаться, я интонирую ее по-разному — зависит от настроения. Иногда — восклицательным знаком, чаще — вопросительным или многоточием. А вы?

— Я только восклицаю! Эта дюжина букв меня по утрам стонет с постели, дает импульс рукам, ногам, голове... Знаю, что для кого-то они — заклинание, молитва. Мне Борис Мессерер рассказывал: к юбилею ему подарили полнос, на котором слова «Жизнь удалась» выложили икрой — черной по красной. Потом такой «икорный» плакат появился в московских книжных магазинах. Но текст не полон. Для соблюдения авторских прав готов подписаться икрой минтая: Валерий Попов.

Беседа
Аркадий СОСНОВ

Валерий ПОПОВ

Раздвоение личности

В СОВЕТСКОЕ время у меня выходила одна книга в пять лет, а есть хотелось ежедневно.

— Как же вы не умерли? — изумляются знакомые.

Ну, например, один из способов не умереть: брал в райком комсомола творческую путевку на месяц куда-нибудь в Лодейное Поле, отмечал ее там, а потом на эти командировочные «изучал жизнь» в родном Ленинграде. Однажды, находясь как бы в Выборге, быстро все проел. Куда податься? Тут меня нет, появляться нигде нельзя... Снова пошел в райком.

— Так, — сказал инструктор Володя. — Значит, ты не в Выборге?

Я издохнул.

— Нет... Не в Выборге. Но хотел бы еще, одновременно, не быть и в Киришах!

— Что ты со мной делаешь! — сказал Володя. И выписал путевку в Кириши! — Но чтоб это было в последний раз!

— Ясное дело! — обрадовался я.

Человек я был скромный и больше чем в двух местах одновременно никогда не бывал. Впрочем, если считать еще и Ленинград, — получается три.

Московский гарем

ОДИН МОЙ друг, московский писатель З., решил сделать бешеную карьеру — мол, хватит нищенствовать, надо наслаждаться жизнью. Вскоре он уже отвечал за среднеазиатский сектор дружбы народов. Однажды я увидел его в московском Доме литераторов с очередным весьма упитанным среднеазиатским баем. Стол ломился, но дружба их все равно выглядела как-то мрачно. Увидев меня, мой друг кинулся ко мне, как к спасителю.

— Слушай! Придумай что-нибудь! Я ему говорю — музеей, а он говорит — бабу! Я ему — театр, а он в ответ — бабу! Глядишь, нажалуется еще, что я не справляюсь! Мало ему там гарема — в Москве захотел!

— А я-то чем могу?

— Ну, у тебя ж, наверное, есть кто-то?

— У меня? Откуда? — я поглядел на их стол. — ...Подумать надо.

— В общем, садись к нам, пей-ешь, а главное — думай! Меня бай принял еще довольно благожелательно.

— Вспомнил! — вскричал я, утюжил голод. — У меня, ясное дело, нет, — но есть такой Петя, режиссер с «Мосфильма», у того — наверняка!..

Появление Петки наш гость встретил уже без огонька.

— Откуда?! — возмущенно воскликнул Петя, хватив водки. — Я художник! Есть правда, Димка-администратор... вот у того — да!

Бай, мрачней, согласился на Димку, который в свою очередь горячо рекомендовал Витьку... вот у того — да! В конце концов образовался довольно длинный стол — и что характерно, из одних мужиков. Бай мрачно взирал на столь странный гарем.

— Сашку надо, вот у того — да! — доносило издалека, стол уже, наверное, достигал ста метров. Но все-таки старались все честно, делали общее дело — и когда конец стола уже терлся в тумане, там появилась до-

вольно невзрачная особа, сразу же противным голосом потребовавшая шампанского. Естественно, мы поехали с ними — как же без нас? Пришлось, естественно, еще подкупить продукта.

Результат, мягко говоря, не соответствовал усилиям. Мы приехали все вместе к баю в гостиницу. Он сразу же удалился оособой в спальню, и тут же раздался звонкий звук пощечины, и особа умчалась.

А мы долго еще праздновали нашу встречу.

— Нет — среднеазиатский сектор мне не потянут! — сказал друг с отчаянием.

Герои

ОДНАЖДЫ в доме творчества в Комарово подрались два писателя-антисемита — и, ясное дело, из-за евреев! Один из них утверждал, что евреев нельзя пускать в литературу, а другой — что вообще куда. Спор перешел в драку. Она была долгой и кровавой, но постепенно надела всем и, может быть, даже — самим участникам.

Последняя ее стадия происходила уже на улице. Мимо проходил критик Р. и брезгливо отвернулся. И тут общее возмущение объединило их.

— Мы тут за них кровь проливаем, а они нос ворочают! — обиделись бойцы.

Благотворитель

УЖЕ В НОВЫЕ времена я пробился на прием к одному

крупному бизнесмену. Встретил он меня холодно.

— У нас две минуты.

Но голод, как известно, способствует вдохновению. Я стал говорить об уникальной, неповторимой петербургской культуре, о ее гениях, прозвучавших в нищете.

— Действуй! — поучествовал я. Взгляд его становился все более сочувственным, теплым. Я умолк. Он тоже — видимо, от волнения — долго не мог ничего сказать.

— Мне так понравилось, как вы говорили! — вос-

кликнул, наконец, он. — Не хотите ли рекламировать кофе Чибо по телевизору?

Двойник

ОДНАЖДЫ в доме творчества в Комарово я оказался в тоскливое, неуютное время в ноябре. Но жить надо было там, поскольку на один месяц в году поселяли бесплатно. В одно особенно ненастное утро кто-то заколотил в дверь. Я вздрогнул: наши так не стучат. Кто же это? Арест? За что?

Я испуганно открыл дверь: там стоял мрачный, изможденный тип в черном пальто и обвисшей шляпе, со шляпы текла вода.

— Валерий Попов? — он злобно лгдал на меня.

— Да... Проходите... В чем дело? Садитесь, — я быстро убрал рукописи со стола.

Он сел и долго молчал. Не выношу таких тяжких ситуаций — стараюсь их разрядить — даже жертвую собой. Молчание становилось невыносимым.

— Я в чем-нибудь провинился? — не выдержал я.

— Дело в том... — долгая пауза, ненавидящий взгляд,

— что я...

— Ну — слушаю, слушаю... что — вы?

— Дело в том... что я... напечатал ваш рассказ!

— Ну это же хорошо! — обрадовался я. Насколько лучше радоваться, чем угнетать друг друга! Может быть, даже деньги получу: весьма кстати!

Но он продолжал глядеть мрачно: радоваться погоди!

— Но дело в том, что я...

— Ну что, что?

— Дело в том, что я... напечатал ваш рассказ... под своей фамилией!

— А... ну это еще ничего! — обрадовался я, поскольку ждал, судя по физиономии, чего-то худшего. — Это ничего! — сказал я бодро.

— То есть как это — «ничего»? — он глел на меня еще более злобно. Ну, тип! Мало того, что присвоил мой рассказ, решил еще меня замучить угрозами совести — причем своими!

— Да... плохо. Конечно, плохо! — я взял себя в руки, помрачнел. — Как же так вышло?

— Я услышал ваш рассказ в пивной! — сказал он зло.

— Я думал, это народное творчество. Записал, напечатал. А тут вы! — он смотрел на меня с нескрываемой ненавистью.

— Ну что я еще могу для вас сделать? — вскричал я, уже теряя спокойствие. Он мрачно усмехнулся. Для таких главное — вывести всех из равновесия. Для этого и приехал сюда — мстить! Спокойно, спокойно... Главное, что убивает их — это спокойствие.

— Ну, может, выпьем? — благодушно предложил я.

— У меня нет денег! — скорбно произнес он.

— Но как же... э-э-э... гонорар?

— Я истратил все деньги, чтобы приехать сюда! Большая радость.

— Так что же нам делать?

— Не знаю! — отрубил он.

— Ну ладно уж... Тогда я куплю!

Я же, выходя, виноват. Весь день я поил его, кормил, водил по друзьям-писателям, — но его ненависти не преодолел. Что ж сделать ему приятное, чтоб он чуть потеплел?

— Ну ладно! — сказал я, провожая его. — Если будет трудно... можете еще парочку моих рассказов тиснуть, под своей фамилией. Я разрешаю.

— Нет уж — слишком тяжело это мне обходится! — ответил он злобно.

Неслучайные связи

ЛЕНИНГРАДСКИЙ писатель Б., широко известный своими связями с правоохранительными органами, однажды во время писательской поездки в Индию, потрясенный древней культурой, так напился, что потерял паспорт и пришел в аэропорт без него. Индийцы его в самолет пропустили: им-то зачем такое добро? Но как его встретит суровая родина?

Пока мы летели, я очень волновался, а писатель Б. сразу же легкомысленно заснул и храпел всю дорогу. Тем временем в атмосфере случившегося какие-то катаклизмы, и нас вместо международного Шереметьево посадили в Домодедово, где нет ни пограничников, ни тамошних.

— Понял, какие у меня связи? — сказал писатель Б., просыпаясь.